

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2024. № 3–4 (44–45), pp. 51–61. Journal homepage: <http://rostrurcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.3

DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-51-61

К ВОПРОСУ О ДЕШИФРИРОВАНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ МОНГОЛЬСКИХ ИЛЬ-ХАНОВ^{1,2}

С.А. Козин

Для цитирования: Козин С.А. К вопросу о дешифрировании дипломатических документов монгольских иль-ханов // Российская тюркология. 2024. № 3–4 (44–45). С. 51–61. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-51-61.

To the issue of decoding Mongolian il-khans' diplomatic records

S.A. Kozin

For citation: Kozin S.A. To the issue of decoding Mongolian il-khans' diplomatic records // *Russian Turkology*. 2024. № 3–4 (44–45). P. 51–61. DOI 10.37892/2712-8121-2024-44-45-51-61.

(Представлено Институтом востоковедения)

Более чем столетняя история изучения дипломатических писем иль-ханов хорошо известна.

После многочисленных трудов по точнейшей репродукции их текстов, переводу и комментированию (Abel-Rémusat, акад. Я. Шмидт, Pauthier, Feer, Chabot, R. Voparparte, А.М. Позднеев, В.Л. Котвич, Б.Я. Владимирцов, И.А. Клюкин) в прошлом, 1933 г., этому же вопросу вновь посвятил две свои работы известный монголист, действительный член Польской Академии Наук, Dr. Wł. Kotwicz: 1) *Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début de XIV siècle, odbitka z dzieła zbiorowego «La Pologne au VII Congrès International des Sciences Historiques»*, Varsovie, Soc. Polon. d'histoire, 1933 (Lith. I), и 2) *En marge des lettres des il-khans de Perse retrouvées par Abel-Rémusat*, Lwów, 1933.

Внимание его к этому вопросу было привлечено еще в 1922 г., в связи с обнаруженными в Ватиканском архиве разными документами по сношениям с мон-

¹ Перепечатано с: Козин С.А. К вопросу о дешифрировании дипломатических документов монгольских иль-ханов // *Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук.* – М.–Л., 1935. – № 7. – С. 645–655.

² В настоящей публикации за небольшими исключениями технического характера сохранена орфография и пунктуация источника. Ссылки на литературу приведены по современному формату и добавлены в угловых скобках. – *Прим ред.*

голами, в том числе и письма императора Гуюка, привезенного в 1247 г. папе Иннокентию IV Плано Карпини <Записки 1925: 342–344>.

Находя, что со времени опубликования их Abel-Rémusat письма эти и до сего дня не дешифрованы с достаточной точностью и требуют в некоторых деталях новой интерпретации, автор предложил тогда несколько своих поправок, привлекая, по-видимому, внимание к данному вопросу и других исследователей (И.А. Клюкин, М.А. Богданов и Б.Я. Владимирцов). За всем тем, по мнению В.Л. Котвича, в этих памятниках все еще оставалось «значительное число малопонятных слов и выражений».

Между тем важность этих исторических документов, и в особенности письма Öljeyitü, составленного весной 1305 г., «до сих пор недостаточно оценена и цель его составителя не понята, вследствие чего последние историки, как L. Cahun и R. Grousset, больше и не упоминают об этом письме».

Дело, конечно, в переводе Я. Шмидта, который в сущности не подвергался коренной ревизии; ее-то и предпринял В.Л. Котвич в первой из названных работ, установив по атласу Бонапарта транскрипцию писем иль-ханов Arḡun'a и Öljeyitü (1289 и 1305) и предложив новый их перевод с многочисленными лингвистическими и историческими к ним комментариями.

Вторая работа посвящена исключительно письму Öljeyitü и развитию аргументации в пользу основанного на этом документе тезиса автора, заключающегося в том, что монголы в начале XIV столетия были инициаторами идеи всеобщего мира. Впрочем, наилучшую аргументацию автор находит в самом письме Öljeyitü, которое, в наивозможно адекватном переводе, он вставляет в раму не столько исторических фактов, сколько исторических оценок различных эпох из жизни монгольских народов, как современных памятнику, так и предшествующих и последующих.

В.Л. Котвич суммирует выводы историков прошлого века о том, что Чингисхан «бросил объединенному под его властью монгольскому народу гордый лозунг объединить все страны и все народы земли в единую монархию»; что монголы «уверовали в такое именно изволение Неба, их верховного божества, которое избрало их для осуществления этого предприятия», и их своего рода религиозный фанатизм явился той «мощной силой, которая на самом деле создала такую мировую империю, какой никогда не видало человечество ни ранее, ни впоследствии».

В организованной ими империи монголы «устанавливают правопорядок, единообразную администрацию, исправляют причиненные войнами разрушения, восстанавливают промышленность и торговлю, восстанавливают и поддерживают культурное общение с отдаленнейшими странами древнего мира», – и все это в таких масштабах и с такой энергией и результатами, которые дают действительное основание для выдвинутого в последнее время в Европе исторического термина *Rex Mongolica* для характеристики первого полувека Монгольской империи. После междоусобий второй половины XIII столетия единство империи монголам удастся установить лишь на федеративных началах. К этой эпохе относится именно документ иль-хана Öljeyitü, который безуспешно предлагал правительствам Западной Европы примкнуть к внутримонгольскому пакту взаимной гарантии мира, устанавливавшему общую акцию против нарушителей мира, нашему агрессорам.

Наконец, возрождение той же универсальной монгольской государственной идеи может быть, по мнению автора, усмотрено в гигантских планах Тимура (1370–1405), Эсены (1439–1454) и Бабура (1525–1530).

Текст документа и его французский перевод (последний даем по-русски) устанавливаются в следующем виде:

1. Ölzejtü sułtan üge manu 2. Iridüwerens sułtan-a. 3. Ärteneče ta бүрин 4. Wireñüd irgen-ü sułtad 5. manu sajin 6. älinček sajin 7. äbüge sajin 8. äčige sajin 9. аҫа-dur amirałdužu хола бар bögesü ojira metü 10. sedkižü alibar üges-ijen öčizü ilčín-ijen äsen-ü 11. belegüd-ijen ileldügsed-i jaуу ändekün ta? Edüge 12. tñri-jin kücündür 13. bida jeke or-a saууsán-dur uridus sajid 14. äbüge sajin 15. äčige sajin 16. аҫа-juban žrtу žasaу-i busi ülü botуan belen žasaу - 17. - san möži uridus sajid-lуа ž-a kemeldügsen-i 18. ülü talbin anda-уауар metü sedkižü urida-qijaca ülemži 19. amrałdužu ilčín-ijen ileldün aja kemen sedkižü an buju ba 20. bida аҫанар degüner мауун ҳараçus-un tašij-a üges-ijer 21. dor-a хоçарuлçазу бүлегеi edüge 22. tñri-de sedkil ögdežü, 23. Temür-ҳауан Тоутоуа Cabar, Тоу-a terigüten, 24. bida 25. Cingis-ҳауан-u uzuу-ud döçin tabun od-aça inаysi - 26. -da čimaduł-caуsan-i edüge 27. tñri-de ibegdežü бүрин аҫа degü жоқилдузу naran 28. урууҳui Nangijas-un уаžар-aça abun талу dalaj-dur 29. күртеle uлуs barılдуžu zamud-ijan ujaуулбай, 30. Bidan-u жауур-a ken буši sedkibesü бүриjer anu degere 31. ömerin bajij-a kemen üge barılдubaj edüge 32. manu sajid 33. äbüge sajid äčige sajin аҫа-dur amrałduysan 34. josu tanu ker talbiҳun kemežü äde Mamły Tuman хоjar-i 35. ilebei tanı olan Wireñüd-ün sułtad-i бар ҳамtu 36. жоқилдухu amuj kemen öčigdebei ünen-kü жоқилдухuj-aça 37. sajin jaуun ахuj edüge 38. bidan-dur ba tandur бар ülü жоқилдухun-i 39. tñri-jin kücün дүр бүри-jer deger-e anu ömerin bajijуji 40. tñri medetügej bičig manu doлууan жауud дөрben od - 41. tur moуaj žil žun-u terigün sara-jin najman 42. ҳаууçid-ta Alijana бүкүj-dür bičibej³.

Перевод

«Мы, султан Ölzejtü, обращаемся со словом нашим к Иридуверенс (Roi de France):

Все вы, султаны народов франкских, почему забываете вы, что, живя с давних пор в дружественных отношениях с нашим благородным прадедом, с нашим благородным дедом, с нашим благородным родителем и с нашим благородным старшим братом; и мысля так, как если бы вы находились близко, хотя вы и были далеко, вы обменивались посольствами и поздравительными подарками, чтобы осведомляться о всяких новостях.

Ныне, вступив на трон, мы предполагаем не изменять указов и распоряжений наших предшественников: нашего благородного прадеда, нашего благородного деда, нашего благородного родителя и нашего благородного старшего брата; не только не игнорировать договорных условий с прежними правителями провинций, которые обладали законченной организацией, но сохранять их как принятое на себя обязательство и жить (с вами) в отношениях еще более дружественных, чем прежде, и так же обмениваться посольствами.

Мы, старшие и младшие братья, из-за клеветнических речей дурных подданных потерпели много вреда.

Ныне мы, Темур-каган, Токтога, Чабар, Тога и другие потомки Чингис-хана, мы получили от Неба внушение, умирили, благодаря покровительству Неба, взаимные упреки

³ Транскрипция Wł. Kotwicz'a.

(которые длились) до сего времени целых 45 лет, объединили наше государство (улус) от восхода солнца до моря Талу и приказали соединить наши почтовые сообщения.

Мы взаимно связаны словом, что если некогда кто-нибудь из нас будет думать иначе (т. е. будет интриговать), то все мы общими силами будем защищаться против него.

Ныне подумавши: как пренебречь вашим обычаем жить в дружественных отношениях с нашим благородным дедом, с нашим благородным родителем и нашим благородным старшим братом, мы послали к вам Мамалага и Тумана.

Мы осведомлены, что вы, многочисленные франкские султаны, все живете во взаимном согласии. И поистине, что может быть лучше согласия?

Если бы ныне кто-либо не стал жить в согласии с нами или с вами, тогда силою Неба мы будем защищаться против него, да ведает то Небо.

Наше письмо написано в 707 году, году змеи (1305), 8-го дня последней декады 1-го летнего месяца, во время пребывания в Alijan'-e».

С своей стороны вполне разделяя соображения В.Л. Котвича о важности этого документа, вскрывающего с полной отчетливостью внутривосточную и международную программу монгольских правительств начала XIV столетия, я хотел бы предложить поэтому несколько незначительных поправок к тексту документа, смысл и значение которого В.Л. Котвичем установлен, по-видимому, окончательно.

Обращаясь к вступительной части документа (строки 1–2), необходимо отметить, прежде всего, ничем не обусловленную замену непосредственного значения глагола *endekü* – «заблуждаться, ошибаться, потерять» – второстепенным значением – «забывать» (*oublier*), в то время как глагол этот в обеих формах (и в переходной, и в непереходной) требует *accusativ'a*⁴ и тем самым допускает развитие последнего и в дополнительное предложение, образованное посредством *accusat. participii* (... то что ~ в том что...).

Независимо от этого, в данном случае, быть может, было бы полезно учесть отмеченную Н.Н. Поппе <Поппе 1931: 97> особую причастную форму, образуемую из *nomen futuri* + *n* и обладающую значением «некоторой ненаверности имеющего совершиться».

Эта парадигма равным образом свойственна и монгольскому литературному языку и, в частности, именно языку Юаньской эпохи, фрагменты которого можно проследить также и в эпических пассажах таких позднейших памятников, как *Aġtan tobġi*. В последнем памятнике встречаем, например: «*Aġbatan ġerig minu, sonosoġdaġun ta!*» <Позднеев 1900: 112> – «Верноподданные войска мои, да внемете вы!» Отмечаемая в грамматиках монгольского письменного языка как простая разновидность *particip. futuri*, форма эта может быть здесь, так же как и в разговорном, выделена в особый вид *particip. potentiale*.

В таком случае вступительный абзац документа представится в следующем виде:

«Какая же ошибка может быть в том, что все вы, султаны франкских народностей, с давних пор были дружелюбны к нашим благородному Прадеду, благородному Деду, благородному Родителю и благородному Старшему Брату нашему; что вы мыслили как

⁴ *jam endekü ~ jam edegürekü.*

близкие, хотя и находились далеко; всячески передавали свои речи и взаимно обменивались послами и приветственными подношениями, – все вы».

Замечание В.Л. Котвича по поводу «*уауи endekün ta?*» о том, что «в нашем письме налицо тенденция формирования личных окончаний, как это мы видим не только в наречии монголов, но и калмыков и бурят», замечание это справедливо, по-видимому, лишь в отношении окончательных форм. В данном же случае с особенной ясностью вскрывается еще и некоторая эмфатическая роль личных местоимений, которая сближает их с такими, иногда и фонетически близкими, другими финальными эмфатическими частицами, как, например: *kü, ele, le, buia, ŋu, čü, da* и т. п.

По вопросу о формулах «*sayin (sayid) elinčeg*», «*‘sayin ebüge’*, «*‘sayin ečige’*, «*‘sayin аха’*» надобно отметить, что при передаче их следует слова «Прадед», «Дед», «Родитель», «Старший Брат» предполагать написанными с именных букв. Затем слова «благородный Родитель» и т. д. едва ли адекватны в данном случае термину *sayin* или *sayid*, употребляемому как атрибут, по-видимому, безразлично в отношении всех царственных предков, только, как правило, с большой буквы. Тогда как не в качестве атрибута, а самостоятельно то же слово *sayid* (с маленькой буквы) употреблено в обычном значении его – сановники, сановники-гранды, владетельные феодалы (ср. в строке 17 документа).

В применении к предкам государя, в дипломатическом документе *sayin – sayid* может значить: 1) добрый, доброй, блаженной памяти; 2) благородный (ясно-) вельможный, славный, владетельный, державный и 3) императорское титулование, соответствующее европейским *majesté’*, величество, высочество и т. п.

Слово *sayin – sayid* нуждается еще в доследовании, если не как феодальный, то как титульный дипломатический термин.

В дальнейшем совершенно верно, на мой взгляд, дана интерпретация выражению «*дога хо̄сарӯл̄ча̄ју* (строка 21) *bülegei*» в смысле антитезы такому выражению, как, например, «*degere bōхu*» – «*être en haut, être meilleur*».

Но такая именно антитеза, не подмеченная, однако, содержится, по моему мнению, и в самом документе (строки 31 и 39) и составляет, по-видимому, центральный тезис всего документа.

Трактовка сочетаний «*ану deger-e*» и «*deger-e ану*» (<Kotwicz 1933: 38>) в смысле наличия здесь «переходного момента, когда язык, не освободившись еще от своей старой конструктивной формы, пытается уже создать новую», не представляется достаточно убедительной, ввиду ее зависимости от не совсем правильной интерпретации глагола *ömerikü*.

Дело в том, во-первых, что не только один Голстунский⁵, но также до него и Ковалевский⁶, а за ним и Позднеев⁷ засвидетельствовали это слово в своих лек-

⁵ Голстунский Константин Федорович (1831–1899) – российский востоковед татарского происхождения, стоявший у основ российского монголоведения; с 1865 г. член Восточного отделения императорского Русского археологического общества. Много работал над составлением словарей, в частности, трехтомного монгольского-русского словаря, учитывающего калмыцкую лексику и буддийскую терминологию. По заказу Синода переводил на монгольский язык богослужебные книги. Вместе со студентами Петербург-

сических материалах: Ковалевский под более литературным его изображением – ömögerekü <Ковалевский 1844–1849: 538> и Позднеев – в калмыцкой транскрипции, ömögriqü, причем последний <Позднеев 1911: 40> показывает лишь второстепенное, отдаленное его значение «выхватывать, вырвать», а Ковалевский приводит и достаточную фразеологию, удостоверяющую в том, что ömögerekü есть именно глагол, транзитивный, невзирая на частицу ge~gi, которая, видимо, и подала повод к ошибке. Транзитивность ömögerekü непререкаемо свидетельствуется таким, например, местом из Гесер-хана: «Lama-yi ömerem geküle... čima-yi ömerem geküle...» <Schmidt 1836: 32>.

Затем окончательно решает вопрос самая этимология слова, восходящая к ötüne + irekü, т. е. к обычным в монгольском синтаксическим комплексам, как, например, abči irekü ~ асагахи, и дающая в результате *verbum transitivum* на тему «выступать вперед для защиты (кого-нибудь – accusat.) своим телом».

Но в таком случае в комбинациях «degere ömerin bayıya!» (строка 30) и «degere anu ömerin bayıxu-yi...» (строка 39) degere и будет тем *assusativ*'ом, кото-

ского ун-та регулярно совершал экспедиции в калмыцкие степи, пополняя тем самым калмыцкий рукописный фонд библиотеки ФВЯ. Исследования К.Ф. Голстунского обнаружили существенные различия между разговорным и книжным вариантами калмыцкого языка [Шагинян А.К. Голстунский Константин Федорович. – URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/531-golstunskiy-konstantin-fedorovich.html> (дата обращения: 30.11.2025)]. – *Прим. ред.*

⁶ Ковалевский Осип Михайлович (1800/1801–1878) – востоковед, чл.-корр. ИАН, один из основоположников монголоведения в России. Изучал классическую филологию в Виленском ун-те; работал в Казанском ун-те, в 1855 г. стал его ректором. Позднее стал деканом историко-филологического ф-та Варшавской Главной школы (с 1869 г. – Императорский Варшавский ун-т). Совершил длительные поездки в Монголию и Китай. Разрабатывал методику преподавания монгольского языка, исследовал его грамматику. Составил монгольско-русско-французский словарь. Кроме того, стал одним из первых ученых, попытавшихся создать детальное описание буддийской философии [Носов Д.А. Осип Михайлович Ковалевский. – URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=414 (дата обращения: 30.11.2025)]. – *Прим. ред.*

⁷ Позднеев Алексей Матвеевич (1851–1920) – выдающийся монголовед. В 1876 г. окончил кафедру монгольского языка факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского ун-та. В том же году был зачислен в состав экспедиции Г.Н. Потанина в Западную Монголию. По окончании работы экспедиции остался в Монголии и вернулся в университет лишь в 1879 г. Директор Восточного института (1899–1903), член Совета при Министерстве народного просвещения (1903–1917). Во время пребывания в Монголии (1876–1879) собрал обширный этнографический материал, предметы буддийского культа, рукописи и ксилографы, сделал фотографии и эстампажи эпиграфических памятников. В 1880-е гг. занимался устройством народных училищ в калмыцких степях. Для этого совершил ряд поездок, в результате которых собрал значительный материал по языку, быту, фольклору и литературе калмыков. В последние годы жизни вернулся к преподавательской и экспедиционной работе [Носов Д.А. Алексей Матвеевич Позднеев. – URL: https://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=455 (дата обращения: 30.11.2025)]. – *Прим. ред.*

рый здесь ожидается. Однако и в первом, и во втором случае частица винительного падежа, как обычно, отсутствует во избежание плеоназма при логической очевидности *accusat.*, а во втором случае – также и ввиду обычного поглощения ее в *accusativ'e* притяжением.

Что касается затем самых притяжательных частиц, то возможно, что мы присутствуем здесь при еще недостаточно установившейся традиции строгого разграничения часто очень сближающихся, и логически и фонетически, категорий местоимений притяжательных, личных (*anu, inu*) и безличных, т. е. возвратных (*-ban, -yan, -yan*). Тем более, что, очевидно, уже и в раннюю эпоху монгольского письменного языка безличные притяжания чувствовались уже как омертвевшие до степени простых суффиксов с темой, восходящей, несомненно, к *beue(n) | > | -ben, -iyen, -gen* и т. д., и точно так же, как и в настоящее время, служили только графическими показателями местоименной категории. Возможно поэтому допустить, что в памятниках более поздней эпохи, при достаточно прочно сложившейся дифференциации личных и безличных притяжательных показателей, мы бы имели вместо поставленного «*büriyer anu*» – *büri-iyer-iyen* (строка 30) и вместо «*degere anu*» – *degere-ben* (строка 39).

Впрочем, уже самая возможность сочетания «*anu degere*» подлежит в данном случае большому сомнению: предлог (последлог) *degere* в транзитивном значении «на» требует винительного падежа, тогда как *anu* есть родительный. Этот же последний потребовался бы лишь при недопустимом и недопускаемом здесь значении *degere* – «сверх», «поверх», «кроме»⁸.

Возвращаясь затем к вопросу о передаче выражения «*dor-a xočaručaju*» (строка 23) посредством «*nous étions frappé d'un tort*», необходимо отметить, что, являясь по существу правильной, такая передача все же по необходимости далека от точности. Дело в том, что и здесь мы, по-видимому, имеем дело с одним из своеобразных, присущих языку кочевого народа способов выражения пространственно-временных отношений, как, например, общеизвестные «сзади» ~ «к северу»; «спереди» ~ «с юга»; «позади» ~ «в будущем» и т. д.

«*Dora xočaručaju*» буквально значит «в н и з у отстали» вместо нашего «позади отстали». Очевидно, в языковом сознании кочевого народа «отстать» ассоциируется более с рядом «низ-верх», чем «спереди-сзади»; отставать как бы предполагается «внизу», под горой, а не на ровном месте. Тем более, что с понятиями «сзади», «спереди» связаны вышеуказанные иные ориентировочные представления.

Однако трудность адекватной передачи этого непереводаемого на европейские языки выражения мало озабочивала бы, если бы не следующая в дальнейшем своего рода антитеза его – «*degere ömerin bauiya!*», которая включена в дважды повторяемый основной тезис документа.

Итак, «*dora xočaručaju bülüge*», т. е. «внизу отстали» или, в переносном смысле, «в низкое, низменное впали», «долу вращались» – противопоставляется выражению «*degere ömerin bauiya!*», т. е. «высокое, возвышенное будем защищать».

Замечательно, что антитеза в выражениях *doora xočaruči* и *degere ömerikü* восходит и к самой этимологии этих двух глаголов, совершенно параллельной по

⁸ Ср. у Ковалевского <Ковалевский 1844–1849: 1745, 1746>.

методу словообразования *хоёогахи*, как и вышепоказанное *degere ömörükü < ötüne* и *irekü* – «заступиться», есть синтаксический комплекс, так же составленный из *хоуиши* и *irekü* > *хоёогахи*, «поздно прийти», «опоздниться», «опоздать», «отстать». Так что и в данном случае нет возвратной частицы *га*, а налицо лишь *radix* глагола *ire-*. Антитеза: «вниз были» – «верхнее оборонять будем».

При этом стоящее в тексте «*хоёогаһсају бүлегеи*», быть может, обладает одновременно двумя залогообразующими частицами: побудительной – *γul ~ uuл* и совместной – *һса*. При наличии же здесь одной только частицы совместного залога правильнее было бы написать *хоёогаһсају*. В таком случае *хоёогаһсају* надо бы понимать как *хоёогаһсају*, т. е. «мы все вместе допустили отстать внизу».

Как бы то ни было, выражение это употреблено в документе не в прямом его значении, а в переносном: составитель документа хотел констатировать общеизвестный факт имевшего место в Монгольской империи культурного застоя, отсталости из-за продолжительных взаимных распрей правителей отдельных областей.

Знаменательным представляется факт, что и в настоящее время строители новолитературного монгольского языка при передаче термина «культурная отсталость» пользуются тем же самым глаголом *хоёогахи* в одной из его именных форм. Например, «*kocorsonoo pokozı*» ~ «ликвидируя свою культурную отсталость», *хојимдају хоёооγдаγсан yabudal-i uruγši debši-gülkü* – *idem*⁹.

Наконец, следуя традиции грамматик А. Бобровникова и В.Л. Котвича, я предпочитаю при передаче второй повествовательной формы, для выражения свойственного ей оттенка мысли, присоединять что-нибудь вроде нашего «как известно», «заведомо», «бывало». Этот метод, по моим наблюдениям, в громадном большинстве случаев оправдывает себя при передаче текстов не только ранней эпохи монгольского письменного языка, но и позднейших.

Таким образом, следующая за вступлением часть документа представилась бы в следующем виде:

«Ныне мы, силою Неба вступив на великий престол, пребываем в намерении: ни в чем не изменять правительственных установлений наших предшественников – благородного Деда, благородного Родителя и благородного Старшего Брата; (равным образом) не только оставить неприкосновенными, но и блюсти как клятву договорные (их) обязательства с прежними (туземными) владельцами самоуправляющихся областей; (а также) быть со всеми в еще большем, чем прежде, дружелюбии и обмениваться послами. (Так мыслим) Мы.

Мы, старшие и младшие братья, как ведомо, впадали в низменное (пребывали внизу, культурно отставали) из-за лукавых речей дурных холопов.

Ныне же – Небо внушило (такие намерения) – Мы потомки Чингиз-кагана, во главе с Темур-каганом, Тогтога, Чабар'ом и Тога, которые целых 45 лет и до сего дня причиняли друг другу обиды, ныне, вспомоществуемые Небом, совершенно примирились (как подобает) братьям; и, объединив государство, начиная от восхода солнца, от Нань-цзя'ской¹⁰

⁹ См. <Поппе 1932: 86; Neyigem jirum-un jam 1930: 115>.

¹⁰ 南守 «Нань-цзя» – «Южные Дома» (семья, династии), т. е. Южный или собственный Китай (в китайском литературном стандарте *цзя* в значении *дом* – 家 – прим. ред.).

земли до моря Тэлю-далай, приказали связать и пути сообщения. И мы обязались между собою словом в том, что если кто-либо из нас умыслит иное, то всеми силами всех из них, (вышепоименованных) будем защищать Высшее (т. е. Небом внушенное Согласие)».

А так как и в заключительной части документа повторяется основной его тезис уже как вывод из предыдущего изложения и вместе с тем как искусно брошенный призыв, то она приняла бы, после вышеупомянутой поправки и нескольких новых замечаний, оговоренных ниже под текстом, такой вид:

«Ныне, помышляя о том, как же можно было бы пренебречь¹¹ вашим бывшим взаимным миролюбием¹² к Нашим предкам, – благородному Деду, благородному Родителю и благородному Старшему Брату, послали Мы вот этих двоих: Мамлага и Туман'а.

Относительно вас, франкских султанов, наслышаны были, что и вы все намерены¹³ жить в согласии.

И воистину, есть ли (другое) благо, кроме Согласия?

Ныне призываем Небо в свидетели того, что силою Неба готовы всемерно защищать Высшее из них (благ) в том случае, если возникнет несогласие, будь то у Нас, или же у вас».

Приведенные выше поправки представляются мне тем более приемлемыми, что они лишь в большей полноте раскрывают основную мысль документа, столь обстоятельно освещенную историческими и филологическими исследованиями В.Л. Котвича, мысль о том, что в эпоху Гулагидов монголы действительно пытались осуществить всемирную федерацию народов и государств.

Этот огромный важности факт в истории средневекового мира, вынуждающий к поискам и раскрытию его социально-экономических предпосылок, должен привлечь наше внимание, прежде всего, к тщательной ревизии хотя бы наличных источников для истории Юаньской династии.

В заключение считаю необходимым остановиться на географическом обозначении Тафу Дафай (строка 28), по поводу которого В.Л. Котвич ограничился следующим замечанием <Kotwicz 1933: 45, прим. 49>: «Море Талу должно было составлять западную границу владений монголов, но ни звук слова, ни его смысл ничего в данном случае не уясняют. Можно принять также чтения: Daфу, Telü, Delü. Abel-Rémusat, а по его почину и другие, читал Тафу и полагал, что это должно быть Ур м и й с к о е о з е р о. Однако Эдуард II Английский, резюмируя письмо Öljeütü и следуя без сомнения информации, полученной от послов, говорит о море, к сожалению, не называя его имени. Совершенно, однако, достоверно, что в данном случае речь идет не об озере Урмии, но, скорее, об одном из великих морей: Каспийском, Черном или Средиземном».

¹¹ Ker talbixun || yaγun endekün (в 11 строке) – та же форма *nomini potentialis*, о которой сказано выше.

¹² «amraǰduγsan yosu tanu», где *yosu* можно рассматривать как суффикс для образования сложных имен, соответствующих нашему -изм, -ие. Ср., например, новейшие образование вроде «ебхамту-yin yosu» – «коммунизм»; «neyigem jirum-un yosu» – «социализм» и т. д.

¹³ jökilduγu amui есть *futurum compositum*, а не *praesens*, который был бы jökilduγu amui.

Вполне присоединяясь к последнему заключению, я предлагаю, однако, читать Telü (Telüü ~ Telegü –) , т. е. «вытянутое», «пространное», «огромное в длину» море¹⁴.

Слово telüü в разговоре почти синонимично с асујим ~ уујим ~ asuru, asuru уеке. При этом, насколько известно, к Каспийскому морю, как и вообще к морям внутреннего бассейна, монголы прилагали термин tenggis (). В частности, Каспийское море в современную памятникую эпоху называлось у китайцев – несомненно, по монгольской традиции – Хуань-тянь-ги-сы (Koan tien-kis)¹⁵.

Таким образом, название Telü ~ Telüü Dałai может относиться только к Средиземному или Черному морям, или к обоим вместе как к единому бассейну. Вероятнее же всего, монголы в юаньскую эпоху называли так именно Средиземное море: идущий от классической традиции европейский термин Méditerranée для людей Востока, близких к культуре Средней империи, мог звучать и слишком парадоксально, и слишком притязательно.

Май 1934 г.

Литература

- Березин 1855 – *Березин И.Н.* Нашествие Батыя на Россию (/Нашествіе Батыя на Россію) // Журнал Министерства народного просвещения. (/Журналь Министерства народнаго просвѣщенія.) – СПб.: Типография Академии Наук (/въ типографіи Императорской Академіи Наукъ), 1855. – Ч. LXXXVI. – № 5. – Отд. II. (/II. Отдѣленіе.) – С. 79–114. {*I.N. Berezin.* Batu Khan's invasion of Russia // Journal of the Ministry of Public Education. – Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1855. – Part 86. – No. 5. – Section 2. – PP. 79–114.}
- Записки 1925 – Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии Наук. Том I. – Л.: РАН; Главнаука; Госиздат, 1925. {Notes of the College of Orientalists at the Asiatic Museum of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1. – Leningrad: RAS; Glavnauka; Gosizdat, 1925.}
- Ковалевский 1844–1849 – *Ковалевский (Ковалевскій) О.М.* Монголо-русско-французский словарь. (/Монгольско-Русско-Французскій словарь.=Dictionnaire Mongol-Russe-Français.) В 3 т. – Казань: Университетская типография (/въ Университетской Типографіи), 1844–1849. {*O.M. Kovalevskiy.* A Mongolian-Russian-French Dictionary=Dictionnaire Mongol-Russe-Français. In 3 vols. – Kazan: at the University Printing House, 1844–1849.}
- Позднеев 1900 – *Позднеев (Позднѣевъ) А.М.* Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания <...>. С предисловием проф. Н.И. Веселовского. (/Монгольская хрестоматія для первоначальнаго преподаванія <...>. Съ предисловіемъ проф. Н.И. Веселовскаго.) – СПб.: Типография Императорской Академии наук (/Типографія Императорской Академіи наукъ), 1900. {*A.M. Pozdneyev.* Mongolian reader for elementary teaching <...>. (/A Mongol reading anthology for primary teaching [compiled by A.M. Pozdneyev.] With a preface by Prof. N.I. Veselovskiy. – Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1900.}
- Позднеев 1911 – *Позднеев (Позднѣевъ) А.М.* Калмыцко-русский словарь. (/Калмыцко-Русскій Словарь.) – СПб.: Типография Императорской Академии наук (/Типографія Императорской Академіи наукъ), 1911. {*A.M. Pozdneyev.* Kalmyk-Russian dictionary. – Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1911.}

¹⁴ Не имелось ли в виду вытянутое Адриатическое море, столь значимое в достигнутой порубежности? См. *последнее море* и монгольские действия в пределах современной Хорватии и, шире, – Западных Балкан. – *Прим. ред.*

¹⁵ См., например, у Березина <Березин 1855: 17>.

- Поппе 1931 – *Ponne H.H.* Практический учебник монгольского разговорного языка (Халхаское наречие). – Л.: ЦИК СССР/Издание Ленинградского Восточного Института имени А.С. Енукидзе, 1931. {*N.N. Poppe.* A practical handbook of colloquial Mongolian (the Khalkha dialect). – Leningrad: Central Executive Committee of the USSR/Publishing House of A.S. Yenukidze Leningrad Institute of Oriental Studies, 1931.}
- Поппе 1932 – *Ponne H.H.* Учебник монгольского языка. – Л.: ЦИК СССР/Издание Ленинградского Восточного Института имени А.С. Енукидзе, 1932. {*N.N. Poppe.* Mongolian language handbook. – Leningrad: Central Executive Committee of the USSR/Publishing House of A.S. Yenukidze Leningrad Institute of Oriental Studies, 1932.}
- Kotwicz 1933 – *Kotwicz Wl.* En marge des lettres des il-khans de Perse[,] retrouvées par Abel-Rémusat [На полях писем персидских иль-ханов, найденных Абель-Ремюза] // *Collectanea Orientalia.* – Lwów: [s.l.], 1933. – Nr. 4. (In French.)
- Neyigem jirum-un jam 1930 – Niigem zuramiin (/zuramiin) zam. (/ᠨᠡᠶᠢᠭᠡᠮ ᠵᠢᠷᠤᠮᠢᠨ ᠵᠠᠮ) Mongol Aradiin Kubiskalta Namiin Төб Корооноос гурбан долоо коног dutam nigen udan keblen niiteleke ulastəriin ba ediin zasagiin sedkuul. (/Нийгэм журмын зам (сэтгүүл).) [Путь к социализму. Политико-экономический трехнедельник Центрального Комитета Монгольской Народно-Революционной Партии]. – Улан-Батор–Хото, 1930. – № 1–2. {Neyigem jirum-un jam = Niigem zuramiin (/zuramiin) zam = ᠨᠡᠶᠢᠭᠡᠮ ᠵᠢᠷᠤᠮᠢᠨ ᠵᠠᠮ = Нийгэм журмын зам = Niyigem zhurmyn (/jurmyn) zam.= The Path to Socialism. Political and Economic Triweekly of the Central Committee of the Mongolian People’s Revolutionary Party. –Ulaanbaatar–Hoto, 1930. – No. 1–2.} (In Khalkha Mongolian.)
- Schmidt 1836 – *Schmidt I.J.* Die Thaten des Vertilgers der zehn Übel in den zehn Gegenden, des verdienstvollen Helden Bogda Gesser Chan: eine mongolische Heldensage: nach einem in Peking gedruckten Exemplare. (/,die Thaten Gesser Chân’s u. s. w.“) [Подвиги исполненного заслуг героя Богды Гессер хана, истребителя десяти зол в десяти странах; героическое предание монголов, с напечатанного в Пекине экземпляра./Подвиги исполненного заслуг героя Богды Гессер хана, истребителя десяти золь въ десяти странахъ; геройское преданіе Монголовъ, съ напечатаннаго въ Пекинѣ экземпляра.] (/*«Подвиги Гэсэр-хана и т. д.»*) – St. Petersburg: Gräff; Leipzig: Voss, 1836. (In German and Mongolian.)